

спублики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 30 апр. 2013 г., № 327 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 343.81

Д. В. Горбач

*начальник кафедры организации режима и надзора в УИС
ФКОУВО «Академия Федеральной службы исполнения наказаний»,
кандидат юридических наук (Россия)*

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ РЕЖИМА В СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРАХ УИС РОССИИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

В настоящее время существуют проблемы, возникающие в процессе исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы в следственном изоляторе. К таким проблемам можно отнести: отсутствие процедурного регламента реализации этой нормы; слабую компетентность администрации и персонала СИЗО в проблемах правового регулирования исполнения лишения свободы; смешивание функций организации заключения подследственных и уголовно-исполнительной деятельности в отношении осужденных.

Гуманизация в сфере реализации уголовной ответственности и наказания как направление политики государства достаточно четко прослеживается при применении такой меры государственного принуждения, как лишение свободы. Советское карательное наследие именно в этом направлении уголовной юстиции было значительно деформировано: в нем менее всего обеспечивались права человека [1]. Это проявлялось в законодательстве, в системе правосудия, в деятельности органов следствия, прокуратуры, но особенно в характере и содержании организации исполнения наказания, прежде всего в системе исправительных учреждений. Эти негативные подходы не преодолены и до настоящего времени, так как отчасти воспроизводятся прежними учреждениями уголовно-исполнительной системы.

Что касается ныне действующей системы исправительных учреждений, то признано целесообразным вернуть ее в прежнее состояние, то есть отказаться от исправительных колоний. Основным видом мест изоляции осужденных должны стать тюрьмы и колонии-поселения [2].

Применение краткосрочного лишения свободы, учитывая объективный характер этого социального и организационно-правового явления, будет занимать определенное место в механизме уголовной юстиции. Не замечать этого – значит игнорировать не только это важное направление работы с осужденными,

но и в целом не исключать из процедуры применения и исполнения лишения свободы серьезный негатив, связанный с необходимостью учета новых оценок и подходов в проявлении изоляции как меры уголовно-правового принуждения. Этот вывод также находит подтверждение в позиции Председателя Верховного Суда РФ В. Лебедева о применении судами лишения свободы на краткие сроки. Он, в частности, отметил: «... необходимо также снять введенные в 1973 году на волне критики судов в либерализме нижние пределы наказаний по ряду статей, что позволит судам шире применять более низкие сроки наказания» [3]. За «снижение так называемых нижних порогов санкций за те или иные преступления» высказался Министр юстиции Российской Федерации А.В. Коновалов.

Поэтому мы считаем, что в комплексе указанных мер по реформированию механизма уголовной юстиции неотъемлемым и самостоятельным звеном будет оставаться применение и исполнение наказания в виде лишения свободы на краткие сроки. В целом сам уголовный закон уже с 2003 г. позволяет применение лишения свободы начиная от 2 месяцев, а при замене других видов наказаний на лишение свободы срок изоляции осужденных может быть и менее 2 месяцев.

Переход на тюремную систему исполнения лишения свободы, видимо, не снимет проблему исполнения этого вида наказания следственными изоляторами и, в частности, в отношении той части осужденных, чей срок не превышает 6 месяцев. Тем более сейчас изучается вопрос о создании двух видов таких учреждений с разным уровнем обеспечения изоляции и охраны для подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений различного характера и степени общественной опасности.

Оценивая применение указанной нормы, следует отметить, что практика оставления данной категории осужденных в СИЗО складывается довольно своеобразная: не во всех регионах руководствуются ею, а там, где она применяется, применение ее ограничено.

О том, что работа данной нормы не была должным образом обеспечена, свидетельствует тот факт, что сбор и обобщение сведений о движении осужденных, срок лишения которых не превышает 6 месяцев, оставленных в СИЗО для отбывания наказания, в Управлении следственных изоляторов и тюрем ФСИН России начал только в 2007 г. В связи с чем возникает вопрос, почему же контроль и учет такой работы не был организован с 2003 г. – с момента внесения соответствующих изменений в УИК РФ. Вместе с тем следует отметить, что исполнение лишения свободы в отношении «краткосрочников» в СИЗО имело место и до 2003 г., то есть востребованность в регулировании подобных отношений существовала и раньше. Подтверждением тому может служить дело «Новоселов (Novoselov) против Российской Федерации» (Жалоба N 66460/01) [4], рассмотренное в Европейском суде по правам человека.

Думается, что, желая легализовать «сложившуюся практику», законодатель и ввел указанную норму в УИК РФ, без достаточного ее согласования

с нормами ст. 56 и 58 УК РФ и ч. 1 ст. 392 УПК РФ, оставив также ряд нерешенных вопросов правового и организационного характера: если это право осужденного быть оставленным в СИЗО, то каков должен быть механизм его реализации? если это право администрации СИЗО, то каковы основания для принятия такого решения, либо отказа в нем и обжалования такового? Также не определена и не прослеживается роль Прокуратуры РФ в применении данной нормы.

«Слабое» применение нормы ч. 1 ст. 74 УИК РФ, возможно, является результатом ведомственного блокирования данного направления работы. Мы уже отметили, что она применяется не во всех регионах страны, а там, где она применяется, задействованы не все территориальные следственные изоляторы. Думается, общую оценку этому направлению работы должно дать руководство ФСИН РФ и Прокуратура РФ, так как эта норма важна в системе прав и интересов осужденных к лишению свободы.

С учетом складывающейся, возможно деформированной, практики оставления осужденных-краткосрочников в СИЗО нельзя не сказать о том, что, на наш взгляд, не выгодно специально создавать условия содержания для указанной категории лиц. Более целесообразно по экономическим соображениям содержать в СИЗО «краткосрочников» на территории, предназначенной для размещения осужденных из отряда хозобслуги, выделив их в отдельный отряд.

В соответствии с конституционным принципом обязательности судебных решений приговор суда подлежит обязательному исполнению, если же этого не происходит, то наступают определенные правовые последствия.

Таким образом, процедура оставления осужденного для отбывания лишения свободы должна быть судебной. При изъявлении желания осужденного быть оставленным в следственном изоляторе администрация такового должна обратиться в суд в порядке требования нормы ст. 397 УПК РФ. Однако в эту статью в ч. 3 об изменении вида исправительного учреждения, назначенного по приговору суда, осужденному к лишению свободы, в соответствии со статьями 78 и 140 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, необходимо внести изменения: после слова «статьями» вставить «ч. 1 ст. 74 УИК РФ». Только при наличии судебного решения оставление осужденного в следственном изоляторе будет законным, соответствовать воле осужденного и служить основанием для его исполнения данным видом учреждения УИС.

Норма ч. 1 ст. 74 УИК РФ является исходным правовым началом для своеобразного направления деятельности УИС и, в частности, следственных изоляторов по реализации не только указанного «права» осужденных. Тем самым реализация этой нормы объективирует функционирование сложного и специального комплекса организационных, правовых, практических мер в уголовно-исполнительной системе, то есть целого самостоятельного направления деятельности. Однако для этого требуется теоретическое осмысление и оценка самой проблемы: политико-организационный аспект законо-

дательного уточнения статуса осужденных в условиях их пребывания в строгой изоляции, специализации деятельности СИЗО по исполнению наказания.

Для того чтобы иметь право отбывать данный вид наказания в СИЗО, необходимо наличие двух оснований (условий):

- срок лишения свободы, назначенный судом, не должен превышать 6 месяцев;
- наличие на то воли осужденного, выраженной в письменной форме (заявление на реализацию такого права).

В связи с тем, что законодатель не выделил иных условий, можно предположить, что на реализацию такого права не должны влиять иные обстоятельства (болезнь, негативное поведение осужденного, возрастные особенности и др.). Поэтому мы не можем поддержать авторов, полагающих, что такое право может быть предоставлено еще с учетом дополнительных критериев, свидетельствующих «о том, что осужденный не представляет собой общественной опасности и не повлияет негативно на оперативную обстановку в следственном изоляторе» [5]. Мы исходим из того, что оставление осужденного в СИЗО для отбывания наказания не представляет собой льготы, дополнительные блага или преимущества. Единственно, что осужденный может получить в «обмен» на возможность быть ближе к дому – это более строгая изоляция, усиленный надзор, ограничение возможности личного проявления.

Для того чтобы дать согласие на отбывание своего наказания в СИЗО, необходимо желание осужденного. Результаты нашего исследования показывают, что 70 % осужденных заявили, что не желают отбывать «краткосрочное» лишение свободы в СИЗО. Из них 40 % мотивировали свой ответ тем, что степень репрессивности в следственном изоляторе выше, чем в колонии общего режима. Другими мотивами были следующие: отсутствие работы, «пока будет смена обстановки – истечет срок наказания». Однако 30 % осужденных все же желают отбывать наказание в СИЗО, подтверждая свое желание тем, что лучше быть ближе к дому.

В свете вышесказанного хочется отметить, что от привлечения осужденных к работам по хозяйственному обслуживанию нужно уходить. Но без действенных мер со стороны государства эту проблему не решить.

Особенно хотелось обратить внимание на то, что, на наш взгляд, необходимо на законодательном уровне предусмотреть обратный процесс переезда «краткосрочника» из исправительного учреждения в СИЗО. То есть, если лицо было отправлено отбывать наказание в колонию и у него возникло желание вернуться обратно в следственный изолятор, государство должно дать ему такую возможность, так как закон недвусмысленно предусмотрел отбывание лишения свободы, помимо прочего, в СИЗО. Причины возникновения такого желания, на наш взгляд, могут быть различными: неинформированность в СИЗО об указанном праве, а получение такой информации в колонии; а также «протест» против условий содержания в исправительной колонии.

Кроме того, необходимо организовать процесс возвращения очень четко и быстро по времени, так как срок наказания очень мал.

Следует отметить, что оставление и отбывание в СИЗО осужденных к лишению свободы – неординарная и пока не основанная на приговоре суда увеличивающая объем правоограничений мера принуждения, которая требует своего совершенствования.

Список основных источников

1. Реформирование уголовно-исполнительной системы: теоретический проект / под общ. ред. А. А. Реймера. – М. ; Рязань : Академия ФСИН России, 2009. – С. 6.
2. Стенографический отчет о заседании Президиума Государственного совета «О состоянии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/3150>. – Дата доступа: 11.12.2016.
3. Лебедев, В. Медведев Д. А. предлагает ограничить практику применения такой формы наказания, как лишение свободы [Электронный ресурс] / В. Лебедев. – Режим доступа: http://www.interfax-russia.ru/r/B/eventday/486.html?id_issue=12194831. – Дата доступа: 11.12.2016.
4. Постановление Европейского суда по правам человека от 2 июня 2005 г. Дело «Новоселов (Novoselov) против Российской Федерации» (жалоба № 66460/01) (Первая секция) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. – № 10/2005.
5. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (официальный текст в последней редакции): постатейный научно-практический комментарий / под общ. ред. А. С. Михлина, В. И. Селиверстова. – М. : Библиотечка «Российской газеты», 2012. – Ст. 77.

УДК 343.85

П. В. Жестеров
старший преподаватель кафедры
отправления правосудия в судах общей юрисдикции
ФГБОУВО «Российский государственный
социальный университет»,
кандидат юридических наук

УГОЛОВНАЯ РЕПРЕССИЯ И ФЕНОМЕН «ДОПОЛНЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ»

За последние несколько десятилетий в мире произошли колоссальные изменения. Эти изменения коснулись практически всех сфер жизни. Человек тоже изменился, по крайней мере, изменилось его восприятие различных социальных процессов. Соответственно изменилась роль и восприятие уголовной репрессии. Тем более что это самостоятельное социальное явление,